

УДК 81-112
DOI 10.17223/19986645/20/3

Л.П. Дронова

РЕКОНСТРУКЦИЯ В КОМПАРАТИВИСТИКЕ И КОГНИТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье ставится вопрос о необходимости междисциплинарного взаимодействия компаративистики и когнитивно-ориентированной лингвистики, имеющих общий интерес в реконструкции историко-культурного, когнитивного характера через реконструкцию языковой информации. На этом пути представляется первоочередной задачей проработка проблемы концепта как диахронического феномена. Приводятся примеры анализа семантики «в разных измерениях», показывающие, что результаты, полученные методами и приемами анализа, рожденными в недрах разных научных парадигм, могут и должны служить взаимной верификации полученных построений.

Ключевые слова: компаративистика, когнитивная лингвистика, семантическая реконструкция, проблема верификации.

Когнитивно-ориентированная лингвистика исходит из презумпции, что языковая структура в принципе не произвольна, она существенно мотивирована устройством когнитивной структуры, которая определенным образом преломляется в естественных языках. Выросшая из функционализма и семантически-ориентированной лингвистики, когнитивно-ориентированная лингвистика смещает фокус интересов и глубину поиска. В функционализме для объяснения устройства языка и его вариативности важны такие принципы, как иконизм, принцип экономии, принцип дискурсивной мотивации и диахронический способ объяснения. Особенно активно используется диахроническое объяснение в пионерских работах Дж. Николс, основывающихся на исторических и ареальных особенностях морфосинтаксических явлений и воедино сводящих такие традиционно слабо связанные области знания, как типология, историческая лингвистика и лингвогеография, дополненные данными геологии, археологии и биологии [1. С. 293–301]. В основном же диахроническая семантика когнитивно-ориентированных исследований опирается на анализ механизма метафорического миромоделирования, на интерпретацию пространственной, силодинамической и других образформирующих систем в языке. В то же время диахронический аспект представления языковой формы, историческая реконструкция – это то, что соединяет когнитивно-ориентированную лингвистику и современную компаративистику, методология и методика которой апробировались и верифицировались не одно столетие, в отличие от лингвокогнитивистики. Что же мешает им объединить усилия, представляя динамику лингвокогнитивных процессов?

Такому положению дел есть объективные причины: лингвистика много десятилетий была преимущественно «как-лингвистикой», ориентированной на синхронное изучение языка, системно-структурный подход к фактам языка. И многие поколения будущих лингвистов, начиная с вузовского курса «Введение в языкознание», знакомились лишь с приемами структурного ме-

тогда применительно к разным уровням языка. В вузовских учебниках, по которым учатся лингвисты, до сих пор не представлены процедуры диахронического подхода к языку, аксиоматика современного сравнительно-исторического метода. Это притом, что современное определение языка как системно-структурного образования в его *когнитивно-коммуникативной заданности* и *историко-культурной обусловленности* предполагает такое знание.

Важное для когнитивной интерпретации определение внутренней формы слова, типов первичной мотивации в каком-либо семантико-понятийном поле (как выявление влияния когнитивных факторов на возможности семантического развития слова) без обращения к внутренней реконструкции, относительной хронологии языковых фактов, без соотнесенности с определенной историко-культурной ситуацией приводит к результату неверифицируемому, основанному не на анализе системных отношений, а на некоем моменте формального сходства или на установлении «шагов» семантического развития с высоты логико-семантических связей современного носителя языка, подведения под мегамодель типа «свой – чужой», «хороший – плохой». Сложность положения и в том, что представление о семантической структуре слова дают только словари, составляемые со второй половины XX в., с эпохи «семантического бума», это не относится к словарям эпохи Э. Бернекера, М. Фасмера.

Выход из ситуации в теоретическом и практическом плане видится в актуализации и проработке проблемы *концепта как диахронического феномена*, в определении основного ряда методов и приемов современного диахронного анализа, выявлении точек их сопряжения и достаточности для выведения историко-культурных и когнитивных схем, в *адаптации* традиционных методов лингвистического анализа к когнитивно-ориентированным диахроническим исследованиям: ведь фактически значимость интерпретационной лингвистики (каковой себя позиционирует лингвокогнитивистика) напрямую зависит от того, насколько основательны те синхронные и диахронные построения, на которых она базируется.

Современный диахронический анализ опирается на интегративный метод (О.Н. Трубачев), ядро его составляет сравнительно-исторический метод, приемы которого активно совершенствовались с середины XX в., существенные изменения претерпели и суждения о праязыке. Дискуссии о возможностях «лингвистической палеонтологии», представлении условий жизни носителей праязыка по данным реконструируемой праязыковой семантики показали, что опора только на этот метод не может считаться достаточно надежной. Причем критическое отношение к возможностям «лингвистической палеонтологии» сформировалось в первой половине XX в., до осознания и признания семантики ведущей отраслью анализа языка на всех его уровнях. Привлечение в сравнительно-исторические исследования системно-структурного подхода к фактам языка привело к принципиально новому этапу в развитии компаративистики. Новые требования к методике реконструкции сформулировал Э. Бенвенист в своей «Общей лингвистике» (глава «Семантические проблемы реконструкции»): «Единственный принцип, на который, считая его общепризнанным, мы будем опираться в последующем анализе, заключается в том, что «значение» лингвистической формы определяется

всей совокупностью ее употреблений, ее дистрибуцией и вытекающими из них типами связей» [2. С. 332]. Это требование полного анализа системных отношений исследуемых единиц языка по отношению к историческому исследованию имеет, конечно же, свою специфику в силу разной степени документированности для разных этапов письменной и дописьменной истории языка. Но и там, где доступна только внешняя реконструкция, по данным родственных языков (для внутренней реконструкции уже нет материала), сохраняется требование по возможности системного представления генетически близкой лексики.

Обогатившись приемами системного анализа языковых фактов, компаративистика вместе с тем «получила в наследство» от структурализма проблему определения взаимоотношения между собственно лингвистическими и экстралингвистическими аспектами в исторической семасиологии. Типична для 60–70-х гг. XX в., например, позиция Э. Бенвениста, известного компаративиста, активно внедрявшего системный анализ в сравнительно-историческое исследование. В Предисловии к «Словарю индоевропейских социальных терминов» он настойчиво рекомендует разграничивать *значение* слова (*signification*) и *обозначение* (*désignation*) предмета и понятия с помощью этого же слова: «Задача заключается в том, чтобы средствами сравнения и диахронического анализа вскрыть сигнификат там, где в начальной точке наблюдения нам дан лишь денотат. Параметр времени становится при этом параметром системного описания» [2. С. 354]. Само по себе и в такой формулировке это требование не вызывает и сейчас возражений. Но дальнейшее объяснение этого тезиса показывает, что Э. Бенвенист не просто разграничивает, а противопоставляет сигнификативное и денотативное в слове, отрывает их друг от друга (подобно противопоставлению синхронии и диахронии в структурализме). Он ограничивает задачу лингвиста изучением значения-сигнификата, оставляя другим заниматься обозначением вещи (*désignation*): «Когда мы обсуждаем германское слово *feudum* в связи с терминологией животноводства, то лишь попутно упоминаем феодальный строй. В таком случае историкам и социологам лучше будет видно, что они могут взять из нашего анализа, в котором не содержится никаких допущений экстралингвистического характера» [3. С. 28].

Такое противопоставление сигнификативного и денотативного аспектов в слове вызвало серьезную критику историков языка, семасиологов. Так, Р.А. Будагов в 1977 г., отмечая, что позиция Э. Бенвениста характерна для лексических и семантических исследований, как зарубежных, так и отечественных, писал: «У Бенвениста невольно получается так: язык, разумеется, общественное и историческое явление, но исторические факты, установленные разными путями, в том числе и с помощью языка, собственно говоря, ничего в языках как таковых не объясняют». И далее Р.А. Будагов говорит о том, что «только тогда, когда социальная обусловленность языка будет показана «в действии», в историческом движении языка, в том числе и в его лексике, только в этом случае тезис о социальной природе языка перестанет быть простой декларацией» [4. С. 74–75].

Современное сравнительно-историческое языкознание пришло к выводу о необходимости проводить реконструкцию конкретного языкового явления на фоне имеющегося знания эволюции праязыка, динамики его диалектного членения, распада праязыковой общности и формирования отдельных индоевропейских языков разных хронологических уровней. Параллельно с реконструкцией внутренней структуры праязыка и хода ее эволюции строится и определенная динамическая социолингвистическая модель, обе реконструкции связаны, поддерживают и дополняют друг друга [5. С. 77]. Необходимость построения социолингвистического коррелята праязыковых процессов обусловлена тем, что историческое рассмотрение языка предполагает не только построение абстрактных моделей, но и познание исторической реальности языка, которая представляет собой сочетание всеобщего и уникального и, следовательно, неразрывно связана с конкретными условиями существования языка [Там же. С. 85]. Отсюда следует, что результаты лингвистической реконструкции должны быть в конечном счете как-то соотнесены с результатами других видов реконструкции – археологической, исторической, культурной. Только такая реконструкция может служить достижению когнитивно точного описания семантической структуры языковых единиц в динамике (а когниция всегда отгалкивается от прежнего знания!), проверке психологической реальности языковых прототипов.

Плодотворность взаимодействия сравнительно-исторического диахронного исследования и когнитивного анализа можно показать, обратившись к сопоставлению результатов того и другого способа рассмотрения фактов языка. Так, например, И. Свитсер, адаптируя основную идею Талми, который рассматривал модальность как отношение силы и барьеров, предложила силодинамический анализ лексических средств выражения модальности с опорой на обобщенные социофизические концепты сил и барьеров. Согласно такому подходу семантика *may* может быть соотнесена с обозначением потенциального, но отсутствующего барьера, *must* при силодинамическом анализе трактуется как непреодолимая (подчиняющая) сила, направляющая субъект на действие (заставляющая субъект произвести действие). «Талми хотел бы рассматривать *must* как барьер, ограничивающий чью-либо область действия до одного определенного акта, и действительно, сила и принуждение будут иметь одинаковый физический результат. Но *must* выражал силу приказа сделать что-либо, положительное принуждение, а не отрицательное ограничение» (Talmy's understanding of *may* in terms of a potential but absent barrier seems to me very reasonable, and can be viewed as a restatement of the standard analysis (e.g. "not require not") in terms of the more general concepts of forces and barriers. *Must* is equally readily understood as a compelling force directing the subject towards an act. Talmy would like to view *must* as a barrier restricting one's domain of action to a certain single act; and it is true that force or constraint would have the same physical result. But *must* has the force of an order to do something, a positive compulsion rather than a negative restriction) [6. С. 52].

Гораздо труднее, по мнению И. Свитсер, определить точное значение глагола *can*, чем глаголов *may*, *must*. «*Can* обозначает положительную способность агенса, *may* обозначает отсутствие ограничения с чьей-либо стороны. Ближайшей физической аналогией *can* будет потенциальная сила или

энергия...» (*Can* denotes positive ability on the part of the doer; *may* denotes lack of restriction. on the part of someone else. The closest physical analogy to *can* would be potential force or energy...) [6. С. 52–53].

Как наглядное обобщение представления модальных отношений, выражаемых *can* и *may*, в работе И. Свитсер предлагается образ (image schema), в котором *can* выступает как эквивалент полного бензобака в машине, а *may* – эквивалент открытых ворот гаража. Полный бензобак рассматривается как положительный фактор физической возможности, а открытые ворота представляют отсутствие ограничителей (Let us view *can* as being the equivalent of a full gas tank in a car, and *may* as the equivalent of an open garage door. These two factors will exert certain similar influences on the situation: neither factor forces the car (or the driver) to travel a given path, and yet if either factor were reversed, then travel would be correspondingly restricted. The full tank is a positive enablement, while the open door is a negated restriction; yet the results are similar enough to allow a good deal of overlap in the larger force-dynamic schemata surrounding the two modalities. Thus it is not surprising to find *can* used to give permission: the remover of a barrier may even feel that in some sense this removal counts as an act of enablement) [6. С. 52].

Какую же схему мотивационных отношений позволяет выстроить анализ генетических отношений и – на этом основании – реконструкцию семантической эволюции рассматриваемых лексических средств представления модальности?

Английское *may* ‘(с)мочь, иметь разрешение’ имеет соответствия во всех германских языках со значением ‘мочь, быть в состоянии’ (гот. *maþan*, др.-англ. *mæg*, *maþan*, др.-в.-нем. *maþan*, *tugan* и др.), достоверные и надежные соответствия германским лексемам представлены в славянских и балтийских языках (др.-рус. *мочи (мощи)*, рус. *мочь* и др., лтш. *mègt* ‘быть в состоянии, мочь, годиться; иметь обыкновение, ухаживать’ и др.) [7. С. 107–109]; есть предполагаемые однокорневые образования и в некоторых других индоевропейских языках [8. С. 546]. Генетические связи глагола *can* демонстрируют производность его значения: ‘мочь, быть в состоянии’ как продолжение исходного ‘знать (и ‘уметь’), ср. др.-англ. *cunpan*, *canp* ‘мочь, быть в состоянии’; ‘знать’, ср.-англ. *cunnen*, гот. *kunpan* ‘знать’, др.-в.-нем. *kunpan*, нем. *können* ‘мочь, быть в состоянии’; ‘уметь; знать’ и др. и внегерманские соответствия – лат. (g) *pōsco*, слав. **znati* ‘знать’ и т.п. [9. С. 707].

Таким образом, оказывается, что схема семантической эволюции, реализованная в *may* ‘иметь силу’ → ‘мочь’, вполне согласуется с силодинамической интерпретацией *may* как отсутствия ограничения с чьей-либо стороны (‘мочь’ как ‘наличие силы, достаточной, чтобы не испытывать ограничения с чьей-либо стороны’), а для *can* ‘знать’ → ‘уметь’ как производящая семантика для ‘мочь, быть в состоянии’ не противоречит истолкованию *can* через ближайшую физическую аналогию как потенциальной силы или энергии, положительной способности деятеля (ср. выше, у И. Свитсер: «...*can* обозначает положительную способность агенса, *may* обозначает отсутствие ограничения с чьей-либо стороны», или иначе: *can* как эквивалент полного бензобака в машине, а *may* – эквивалент открытых ворот гаража).

Как представляется, не столь непротиворечивым при анализе через силогическую образ-схему получается истолкование *must* как непреодолимой (подчиняющей) силы, направляющей субъект на действие (положительное принуждение), хотя бы потому, что *must* не настолько однозначен в своей семантической структуре по сравнению с *may* и *can*. С одной стороны, это действительно обозначение вынужденного, не по воле субъекта действия, ср. такие значения *must*, как ‘быть обязанным или связанным обязательным для выполнения требованием’ (*I must keep my word*), ‘требоваться или быть вынужденным сделать что-либо ввиду применения или угрозы применения силы’ (*You must obey the law*), ‘быть вынужденным сделать что-либо в соответствии с правилами поведения или из честности’ (*I must say, that is a lovely hat*). Но, с другой стороны, это и выражение внутренней потребности субъекта, ср. ‘нуждаться в чем-либо’ (*Animals must eat to live*), ‘иметь потребность или желание сделать что-то’ (*I must buy that book*) [10]. Та же неоднородность семантической структуры и у близкородственного немецкого *müssen*, обозначающего и внутреннюю необходимость, и необходимость, обусловленную внешними обстоятельствами.

Германские и внегерманские соответствия с другой ступенью огласовки корня показывают исходное, этимологическое, значение ‘измерять’ → ‘размышлять, судить’ (гот. *mitan*, др.-англ. *metan*, нем. *messen* ‘мерить’, др.-инд. *masti-* ‘измерение’, ‘взвешивание’, лат. *meditor*, др.-ирл. *midjur* ‘размышляю’, ‘сужу’ и другие производные и.-е. **med-*) [11. С. 811]. В германском ареале значение, предполагаемое для индоевропейского времени, вероятно, для части этимологического гнезда реализовалось как **(со)измерять, исходя из внешних обстоятельств и собственных возможностей* → *(соизмеряя) располагать пространством, временем, возможностями, силой*. Такой вывод позволяет сделать анализ семантики ряда однокорневых образований в германских и кельтских языках (германо-кельтская семантическая изоглосса?): гот. *ga-mot* ‘имеет место’, др.-англ. *mōtan* ‘мочь’, ‘быть должным’, др.-в.-нем. *muozan* ‘быть в состоянии что-л. делать, прийти в какое-л. состояние’, ср.-в.-нем. *mūezen* ‘возможность, обусловленная внешними обстоятельствами’ и ‘необходимость, обусловленная внешними обстоятельствами’, *das Muß* ‘необходимость’, *die Muße* ‘свободное время, досуг’ и др.-ирл. *mid-* ‘судить’ (с *com-* ‘иметь власть над, быть в состоянии’, *com(m)us* ‘власть’, *cuimse* ‘способный, надлежащий’ (в отрицательной конструкции *fo-r-emdīm* ‘я не могу’), ср.-вал. *sumes* ‘мера, должное’), *medu* ‘быть способным, править’ [9. С. 902; 12. С. 441–442]. Таким образом, историческая реконструкция направлений развития семантики показывает пути «пересечения» семантики внутренней и внешней необходимости.

Особенности семантической эволюции германских продолжений и.-е. **med-*, а также некоторые возможные современные употребления *must* дают основание судить о сложности семантической организации английского *must* и позволяют видеть излишнюю прямолинейность, упрощение в его интерпретации при построении силогической образ-схемы (см. выше: у Галми *must* трактуется как непреодолимая (подчиняющая) сила, направляющая субъект на действие (заставляющая субъект произвести действие); у Свитсер

must как сила приказа сделать что-либо, положительное принуждение, а не отрицательное ограничение).

Совместимость и возможность взаимного дополнения результатов сравнительно-исторического и метода интроспекции показывает сопоставительный анализ концепта «свобода», описанного А. Вежбицкой. Она считает, что в английской культуре сложилась поляризация двух концептов – ‘freedom’ и ‘liberty’ [13. С. 217]. Различие между этими концептами, по мнению автора, связано с логико-философским разграничением двух аспектов понятия «свобода» – «позитивной» ориентации (свобода чего-либо) и «негативной» (свобода от чего-либо нежелательного). Английское слово freedom производно от прилагательного free ‘свободный’, которое продолжает и.-е. *prǵi-, *prǵiyos ‘желать добра, быть расположенным к кому-л.’ (ср. авест. frya ‘дорогой, любимый’, гот. frijôn ‘любить’, friarwa ‘любовь’, польск. (s)przujac ‘благоприятствовать, желать’, рус. (Даль) *приянь* ‘благодушие, благожелательство, любовь, милость’ и т.п.); подробнее об этом см. в [14. С. 102–107]. Реконструкция происхождения англ. freedom, его этимологические связи объясняют семантическую эволюцию этой лексемы, закономерность представления именно этим словом англосаксонского идеала «ненавязывания» (свобода чего-либо и свобода от чего-либо нежелательного) в противовес англ. liberty, продолжающему лат. libertas ‘свобода, воля; право (гражданина)’, исходно оппозитивного выражению понятия «рабство». Исторический анализ показывает, что значение liberty не случайно связано с понятием о гражданской свободе: семантический потенциал англ. liberty не предполагает развития «негативного» аспекта «свободы» как «свободы от чего-то нежелательного». Социальные перемены в истории Соединенных Штатов и Англии актуализировали это (этимологическое) значение liberty как языкового знака выражения ставшего актуальным еще одного аспекта понятия «свобода» – «свобода (гражданская)». В данном случае не выявлены какие-либо существенные расхождения в логико-семантических моделях, полученных методом интроспекции, анализом через примитивы и сравнительно-историческим анализом.

Оба приведенных примера анализа семантики «в разных измерениях» показывают перспективность интегрирования приемов реконструкции когнитивно-ориентированных исследований и компаративистики как начального этапа, результаты которого получают когнитивную интерпретацию, и – самое важное, на наш взгляд, – верификационную значимость этого интегрирования (или соотнесения результатов): результаты, полученные методами и приемами анализа, рожденными в недрах разных научных парадигм, могут и должны служить взаимной верификации полученных построений.

Литература

1. *Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления* / под ред. А.А. Кибрика и др. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.
2. *Бенвенист Э. Общая лингвистика* / пер. с фр. 4-е изд. М., 2010.
3. *Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов* / пер. с фр. М., 1995.
4. *Будагов Р.А. Что такое развитие и совершенствование языка?* М., 1977.
5. *Ромашко С.А. Реконструкция праязыковых процессов и диахроническая социолингвистика // Диахроническая социолингвистика.* М.: Наука, 1993. С. 73–86.
6. *Sweetser Eve. From etymology to pragmatics.* Cambridge, 1990.

7. *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* / под ред. О.Н. Трубачева. М., 1992. Вып. 19.
8. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1994. Т. 1.
9. *Etymologisches Wörterbuch der Deutschen* / W. Pfeifer etc. 1–2 Bde. Berlin, 1993. Bd. 1.
10. *Dictionary.com Unabridged* (v 1.1). Based on the Random House Unabridged. Dictionary. Random House, Inc. 2006 (<http://dictionary.reference.com>).
11. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: в 2 т. Тбилиси, 1984. Т. 2.
12. *Льюис Г., Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков: пер. с англ. / ред., предисл. и примеч. В.Н. Ярцевой. М., 1954.
13. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. М., 2001.
14. *Дронова Л.П.* Полный бензобак и открытые ворота, или Проблема верификации в семантической реконструкции // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 102-107.

Сокращения

гот.	готский
др.-англ.	древнеанглийский
др.-в.-нем.	древневерхненемецкий
др.-инд.	древнеиндийский
др.-ирл.	древнеирландский
и.-е.	индоевропейский
лат.	латинский
лтш.	латышский
нем.	немецкий
польск.	польский
рус.	русский
слав.	славянский
ср.-англ.	среднеанглийский
ср.-вал.	средневаллийский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий